

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 4

(ОТДЕЛЬНЫЙ ОТТИСК)

МОСКВА 1995

В научной и общественной жизни Белоруссии произошло заметное событие — почти одновременно вышли из печати I том энциклопедии «Гісторыя Беларусі» и энциклопедия «Археалогія І нумізматыка Беларусі». Подобные издания, рассчитанные не только на узких специалистов, но и на всех любителей истории, призваны в сжатой форме раскрыть основное содержание исторического процесса и познакомить читателей с материальной и духовной культурой наших предков. Необходимость таких энциклопедических справочников очевидна: без них не обойтись любому исследователю, занимающемуся историей Белоруссии. Однако нагромождение нелепостей, а порой и фальсификаций в этих изданиях настолько велико, что лишает их права именоваться энциклопедическими.

Попытаемся доказать это на конкретных примерах, а затем ответим на вопрос: кто виновен в случившемся?

В статье «Античные находки» (с. 40), опубликованной в энциклопедии «Археалогія І нумізматыка Беларусі» за подписью А. А. Егорейченко, содержится целый ряд ошибок и несуразностей. Начнем с того, что приписанная автору фраза о находках фрагментов античных амфор и стеклянной посуды на таких поселениях «зарубинецкой культуры, как Чаплин, Ивань, Мысли», ничего общего с текстом оригинала не имеет. Действительно, небольшое количество фрагментов амфор и один обломок стеклянного сосуда найдены на милоградско-зарубинецком городище Чаплин. Укрепленные же поселения Ивань и Мысли относятся к культуре штрихованной керамики и являются одними из самых северных пунктов распространения античных стеклянных бусин на территории Белоруссии: ни амфорной тары, ни стеклянной посуды на них нет. Далее утверждается, что античные находки обнаружены не на памятниках киевской культуры, как это было у автора, а на поселениях Киевской Руси (!). Заключительная фраза этой статьи: «Местные мастера изготавливали украшения с эмалью, серебряные пояса с красной эмалью и бронзовыми деталями (Красный Бор), железные фибулы, булавы, браслеты, дротики, умбон скифского и римского типов», — отсутствует в оригинале текста. Она позаимствована у неизвестного нам автора, не имеет никакого отношения к сути освещаемого вопроса и содержит безграмотные утверждения. Так, совершенно невозможно понять, как местные мастера ухитрялись изготавливать... «умбон скифского и римского типов». Один умбон одновременно может быть либо скифским, либо римским. Более того, общеизвестно, что скифские шиты изготавливались из дерева и кожи. Иногда они дополнительно укреплялись металлическими или костяными пластинами. Умбон же скифы не знали вообще, поэтому говорить об их особом типе бессмысленно.

В статье «Остров» (с. 142) утверждается, что поселение у д. Остров Пинского района Брестской области активно использовалось племенами милоградской и зарубинецкой культур во II—IV вв. н. э., хотя к этому времени ни одной из этих культур уже не существовало. На самом же деле большинство материалов, обнаруженных на этом памятнике, относится к пражской культуре.

В статье «Горшок» (с. 167, 168) А. А. Егорейченко и Н. И. Зданович приписано еще одно

«открытие». Здесь, в частности, говорится о лощенной милоградской и зарубинецкой посуде. Не вдаваясь в бессмысленную дискуссию, отметим лишь, что лощение как технологический прием при изготовлении милоградской керамики не применялось.

Не меньше нелепостей приписано и В. И. Рябцевичу. Так, вводная статья «Нумизматика» (с. 16—19) указывает, что около 1300 г. Чехия начала выпуск польского (!) гроша (у автора — пражского). В результате последующий текст выглядит как рассказ о польском грошовике, появившемся, кстати, лишь в 1526 г. Далее утверждается, что письменные источники Белоруссии 1337, 1378—1419 гг. сообщают о международной роли «польского» (читай — «пражского») гроша, что совершенно не соответствует действительности. Во-первых, о том, что чешская монета стала международной валютой XIV—XV вв., свидетельствуют отнюдь не актовые материалы (они говорят о ней исключительно как о средстве местного денежного обращения), а характер топографии кладов пражского гроша, зарегистрированных на большей части европейского континента. Во-вторых, отрезком времени между 1378 и 1419 гг., а не в 1378—1419 гг., определяются примерные хронологические рамки наиболее интенсивных поступлений на земли Великого княжества Литовского денежных эмиссий Чехии. Они базируются опять-таки не на письменных источниках, а на датах сокрытия исследованных к настоящему времени кладов XIV—XV вв.

Еще более основательно «переработана» статья «Деньги» (с. 198). Из нее исключен перечень специфических особенностей денежного товара (не зная их, вообще невозможно понять его суть), безграмотно перекроен текст, раскрывающий сущность функций денег. Особенно досталось функции меры стоимости: она трансформирована в никогда не существовавшую функцию «меры производства».

В статье «Гривенник» (с. 198, 199) сообщается, что это — «популярное название медной 3-копеечной монеты после реформы 1839—1843 гг. номиналом в десять копеек». Попытки уразуметь это утверждение заведомо обречены на неудачу, ибо оно попросту лишено смысла: номинал (нарицательная стоимость) у каждой монеты может быть только один. Термин же «гривенник» стал в XIX в. народным названием не только медного или серебряного десятикопеечников, но и выпущенного денежной реформой 1839—1843 гг. утяжеленного медного трехкопеечника, равноценного десяти легковесным дореформенным однокопеечникам.

В статье «Дукат» (с. 243, 244) в авторском тексте указано, что качественному стандарту этого западноевропейского номинала в России соответствовал червонец, выпускавшийся с 1701 г. В публикации же исчезла дата «1701» и, более того, утверждается, что червонец соответствовал... дукату Великого княжества Литовского 1562 г. Таким образом, читателю остается только гадать: то ли червонец чеканился еще в 60-е годы XVI в., то ли Петр I почему-то избрал в качестве эталона для этой монеты не современный ему дукат (что было в действительности), а выбитую за 110 лет до своего рождения монету!

Не избежали искажений и многие статьи о кладах. Так, в статье «Добринский монетно-вещевой клад» (с. 228, 229) В. И. Рябцевич среди монетных дворов арабской династии Умайядов упоминает сирийский город аш-Шамия, а в числе халифов династии Аббасидов — ал-Мамуна. В редакционном варианте аш-Шамия переименован в аш-Шаш (современный Ташкент и его округа), ал-Мамун «перекрещен» в ал-Мамуни.

Герцогство Брауншвейг-Вольфенбюттель в статье «Засовьевский монетный клад» (с. 268, 269) превращено в никогда не существовавший Брауншвейг-Вандельбюттель, правитель восточной Венгрии Янош Запольяи стал Яношем Запольяном. Подпись же под фотоснимком этой находки — «Заславский монетный клад».

Тройной крест герцогства Мюнстерберг-Эльс из статьи «Зачепичский монетный клад» (с. 270) обратился в неведомый мировой нумизматике «эльскрейцер тройной герцогства Мюнстерберг». Швейцарский город Хур в статье «Могилевские монетные клады» (с. 287) назван Хурдукатом.

Но, может быть, нами сгущаются краски и со статьями других авторов дела обстоят лучше? К сожалению, даже беглый просмотр энциклопедии «Археалогія І нумізматыка Беларусі» показывает, что это не так. Например, в статье «Глубочица» (с. 176) сказано, что у этого населенного пункта имеются курганы железного века, хотя ниже говорится о найденных в них вещах эпохи феодализма (XII—XIII вв.). В статьях «Хильчицы» (с. 634) и «Чаплин» (с. 641) эти памятники, относящиеся к милоградской и зарубинецкой культурам, снова датируются первой половиной I тыс. н. э., хотя, как известно, самая поздняя из этих культур — зарубинецкая — не выходит за пределы II в. н. э. Неверными являются и датировки городищ в статьях Л. Д. Побоя «Абидовичи» (с. 21) и Т. С. Бубенько «Богушевичи» (с. 70), могилыника Брест-Тришин в статье Т. И. Коробушкиной «Брестский

бескурганый могильник» (с. 100). В последнем случае вместо даты могильника приводится хронология вельбарской культуры.

Не слишком ли много ошибок для издания, претендующего на роль энциклопедического? Попутно заметим, что статьи из энциклопедии «Археалогія І нумізматыка Беларусі» без ведома авторов со всеми ошибками уже начали перекочевывать в энциклопедию «Гісторыя Беларусі». Например, так случилось со статьями А. А. Егорейченко «Античные находки» (с. 136) и В. С. Космылева «Августдор» (с. 230), помещенными в I томе.

Справедливости ради следовало бы отметить, что редакция все же обнародовала перечень «замеченных неточностей и ошибок». Но, увы, он способен вызвать лишь чувство недоумения. Это — листок размером менее почтовой открытки, даже не вклеенный в том «Археалогія І нумізматыкі Беларусі», более того, он приложен далеко не ко всем поступившим в продажу экземплярам этого издания. В нем всего лишь 7 пунктов, один из которых, относящийся к упомянутой выше статье В. С. Космылева «Августдор» (с. 62), беспрецедентен: графа «Напечатано» повторяет правильные даты чеканки этой золотой монеты — 1753—1756, 1758 гг., а графа «Следует читать» называет только 1753—1756 гг.

Несколько слов об иллюстративной части издания. Во вводной статье «Археология» (с. 8) помещена фотография горшка культуры штрихованной керамики, но в надписи он квалифицируется как горшок милоградской культуры. К статье А. А. Егорейченко «Фибула» (с. 629) редакция без согласования с автором подобрала рисунки латенских фибул, снабдив их пояснением, что это «типы фибул первых веков н. э. (0—500 гг.)».

В статье И. Ф. Масько «Витебские монетные клады» (с. 138) описан найденный в 1893 г. клад третьей четверти XVII в. На относящейся к ней фотографии — открытый в 1983 г., но в этом издании отсутствующий, клад второго десятилетия XVIII в. Таким образом, налицо — откровенная фальсификация.

Во многих случаях можно отметить недопустимую практику заметного уменьшения или увеличения фотоснимков монет, хотя в предисловии от имени редколлегии сказано, что они «даются в натуральную величину». Искажения этого рода прослеживаются более чем в 13% монетных фотоиллюстраций.

В персоналиях фотографии исследователей размещены по принципу, известному, очевидно, только художественному редактору. Например, портрет В. П. Алексеева иллюстрирует статью «Альбертусталер», И. И. Артеменко — «Оршанский замок», Т. С. Бубенько — «Строительный ярус», С. А. Дубинского — «Дубой», Я. Г. Зверуго — «Звезда», В. Ф. Исаенко — «Кувалда», М. К. Каргера — «Коробушкина», а Т. Н. Коробушкиной — «Каргер», А. Н. Лявданского — «Левко», а О. Н. Левко — «Ляховичский замок», О. А. Макушниковой — «Макитра», О. А. Трусова — «Труположение» и т. п.

Этот далеко не полный перечень нелепостей и фальсификаций — результат откровенного игнорирования норм авторского права редакторским коллективом «Беларуская энциклапедыя», его очевидной безответственности и некомпетентности. Редакторы «переработали» представленные им статьи, не удосужившись поставить об этом в известность авторов. Более того, ни В. П. Рябцевич, представленный в энциклопедии «Археалогія І нумізматыка Беларусі» как член редколлегии, ни А. А. Егорейченко как научный консультант не были ознакомлены с макетом этого издания и, естественно, были лишены возможности завизировать его.

Энциклопедия «Археалогія І нумізматыка Беларусі» представляет собой наглядный пример того, как можно опорочить саму идею выпуска такого специфического, но чрезвычайно нужного справочника. Она может быть рекомендована читателям лишь при условии издания объемного путеводителя, способного провести их через дебри несуразностей, ошибок и фальсификаций. Приходится констатировать, что энциклопедия «Археалогія І нумізматыка Беларусі» — издание, дискредитирующее не только авторов, но и белорусскую историческую науку в целом.

Белорусский государственный
университет, Минск

А. А. Егорейченко,
В. П. Рябцевич